

История древнего мира

И. В. ПЬЯНКОВ

КТЕСИЙ КАК ИСТОРИК

Ктесий — один из интереснейших античных авторов. Он в известной мере является и дополнением и как бы антиподом Геродота. Интересен он для нас хотя бы уже тем, что сообщает некоторые сведения о прошлом народов нашей страны, которых мы не находим ни у Геродота, ни у других историков античности. Но к сообщениям Ктесия нужно подходить очень осторожно, использовать их можно только после тщательного критического анализа. Для практической оценки сообщений Ктесия важно, прежде всего, учитывать некоторые общие моменты его творчества, а именно: основную тенденцию сочинений Ктесия и характер источников. Следует сказать еще, что о Ктесии вообще, и особенно на русском языке, написано очень мало; может быть, данная статья хотя бы в какой-то степени заполнит этот пробел.

Ктесий, родом из греческого города Книда в Малой Азии, жил в V—IV вв. до н. э. По профессии был он потомственным врачом. В конце V в. до н. э. он попал в плен к персам и провел в Персии при дворе царя много лет. Там он занимал видное положение, врачевал царя Артаксеркса II и его семью, в том числе мать царя, влиятельную Парисадиту, а также выступал с дипломатическими поручениями. В начале IV в. до н. э. он уже вновь на родине, где и пребывает вплоть до своей смерти. Здесь, в Книде или Спарте, он и пишет свои сочинения, главными из которых являются «История Персии» (*Persika*) и «Описание Индии» (*Indika*).

Основная тенденция сочинений Ктесия

Ктесий, как мы уже сказали, написал свои сочинения после возвращения из Персии. Обстоятельства, побудившие его к этой работе, можно представить следующим образом. Ктесий, поселившись вновь на родине после семнадцати лет пребывания при дворе персидского царя, где он имел влияние и пользовался доверием многих значительных лиц, конечно, не мог не считаться у своих соотечественников большим знатоком Персии и ее истории. А этими темами греки весьма интересовались, причем, задолго до Ктесия, о чем свидетельствует хотя бы уже то, что к его времени было известно немало сочинений под названием *Persika* (Дионисия Милетского, Харона Лампсакского и Гелланика). Особенно ярко об этом интересе свидетельствует «История» Геродота. Естественно, что от Ктесия ждали новых сведений и критики его

предшественников, которые, если и бывали в Персии, то никогда не занимали там столь влиятельного положения, как он¹.

Действительно, основной мотив написания и тенденция, пронизывающая все сочинения Ктесия,—желание автора дать нечто оригинальное, отличающееся от всех других историков, «исправить» или «опровергнуть» сведения предшественников. Особенно яростно Ктесий напал на Геродота, видимо, считая его главным своим «конкурентом». Даже в переложении сочинений Ктесия Фотием в тексте еще осталось несколько ссылок на Геродота с изобличением «лживости» его сведений.

Основной причиной этого антагонизма послужило честолюбие Ктесия, стремление показать свое превосходство в знании Востока, но немалую роль должны были сыграть и политические симпатии Ктесия: в противоположность афинской тенденции Геродота Ктесий был лаконофилом². Возможно даже, что Ктесий в Спарте был таким же официально признанным историком, как Геродот в Афинах, и должен был дать «спартанскую» версию «Истории» Геродота.

Разумеется, если бы честолюбивые стремления Ктесия действительно соответствовали его знаниям, то мы нашли бы в его работах много интересного и ценного о прошлом восточных стран, но, к сожалению, это не так. Если сопоставить замыслы Ктесия с содержанием его работ, то складывается определенное впечатление, что во время пребывания в Персии Ктесий и не собирался писать ее историю, а взялся за это дело уже на родине, только для того, чтобы подкрепить свою репутацию знатока Востока. Поэтому и оказалось, что Ктесий, не обладая ни столь обширными запасами специально собираемых сведений, как Геродот, ни критическим чутьем последнего, не смог создать чего-либо равноценного труду Геродота, хотя, как будто, имел большие возможности для этого. А настойчивое стремление во что бы то ни стало противоречить предшественникам, «обличать» их в некоторых случаях еще более повредило сочинениям Ктесия.

Лаконофильство и честолюбие Ктесия сказались также и непосредственно на изложении фактов, но не в такой степени, как на общей его тенденции. Лаконофильство Ктесия в полной мере могло проявиться в «Истории Персии» не ранее, чем при описании греко-персидских войн (в книгах XII—XIII), а стремление придать себе более значительную роль в делах персидского царя было ограничено описанием царствования Артаксеркса II (в книгах XIX—XXII).

Источники Ктесия

Общей характеристикой источников того или иного автора является оценка достоверности его сообщений. В этом отношении о Ктесии уже в древности сложилось плохое мнение. Недостоверность, баснословность сведений Ктесия отмечали (ссылаясь, главным образом, на его «Описание Индии») Аристотель, Феопомп, Страбон, Лукиан, Плутарх³.

Однако когда мы говорим о достоверности сообщений того или иного автора в древности, следует учитывать специфику ее. Для древних при оценке достоверности существовал один критерий: баснословность или

правдоподобность сообщаемых автором фактов. Не удивительно поэтому, что они часто заодно с Ктесием ругали за недостоверность и Геродота; действительно, «История» Геродота изобилует сказочными мотивами. Мы будем подходить к оценке достоверности Ктесия с других позиций, определяя, каким источникам он следует и насколько точно их передает.

1. *Вопрос о царских летописях как источнике Ктесия.* Главным козырем Ктесия в его полемике с предшественниками была, видимо, ссылка на царские летописи (*basilikai diphtherai, basilikai anagraphai*). В дошедших до нас фрагментах «Истории Персии» сохранилось два указания на этот источник. Согласно одному из них, Ктесий излагал для эллинов в своем труде то, что содержалось в царских летописях⁴. В другом случае дается ссылка на царские летописи при описании одного конкретного эпизода из мифической истории, причем здесь уже видно, что Ктесий ссылаясь не непосредственно на летописи, а лишь на то, что говорили о них «варвары»⁵. Возможно, что Ктесий вообще не претендовал на непосредственное знакомство с летописями.

На вопрос о том, действительно ли отражены в сочинении Ктесия какие-нибудь официальные персидские летописи, ответ может быть только отрицательным⁶. Ни содержание «Истории Персии» в целом, ни тот единственный эпизод, который сопровождается ссылкой на летописи, не позволяют усомниться в этом. К такому выводу приходят почти все современные исследователи⁷.

2. *Сочинения греческих историков как источник Ктесия.* В действительности с источниками Ктесия дело обстоит совсем по-другому. Ктесий, полемизируя с предшественниками, большей частью переписывал у них, изменяя лишь детали. В результате получилось, что и в общем ходе повествования, и в подробном описании событий, как можно заметить во многих случаях, Ктесий зависит от тех, кого критикует; изменены только имена лиц, подставлены другие названия народов, да иногда эпизоды, рассказанные предшественником в связи с одними событиями, Ктесием рассказываются в другой связи. Трудно сказать, по какому поводу римский историк Поллион (I в. до н. э.) обвинял Ктесия в «воровстве» (*klone*)⁸, но в данном случае это обвинение было бы вполне справедливым.

Ктесий в «Истории Персии» называет из своих предшественников, которых он обвиняет во лжи, греческих историков Геродота и Гелланика (V в. до н. э.)⁹. Этим авторам он по преимуществу и следует.

Геродот, наиболее ненавистный Ктесию писатель, оказался его главным источником¹⁰, особенно в персидской и мидийской¹¹ частях «Истории Персии». Можно даже сказать, что в этих частях Ктесий заново переписал «Историю» Геродота, противореча оригиналу почти в каждом пункте. Еще Фотий, конспектировавший персидскую часть сочинения Ктесия, свидетельствует об этой негативной зависимости: в книгах с VII по XIII, где рассказывалось о Кире, Камбисе, маге, Дарии и Ксерксе, Ктесий почти всегда противоречит Геродоту и обвиняет последнего во лжи и сочинительстве¹². Отдельные заимствования из Геродота имеются и в ассирийской части сочинения Ктесия.

О сочинениях Гелланика Лесбосского нам мало известно, но греческий историк Кефалион¹³ позже прямо сопоставлял Гелланика и Ктесия, которые оба, по его словам, начинали историю Азии с рассказа о царе Нине. Видимо, в основном по Гелланику написана Ктесием ассирийская часть «История Персии»¹⁴.

Если бы нам были лучше известны сочинения предшественников Ктесия, то следовало бы ожидать, что совпадений с ними в «Истории Персии» Ктесия обнаружилось еще больше. Возможно, например, что Ктесий заимствовал также у Ксанфа Лидийского¹⁵.

Подобные источники имело и «Описание Индии» Ктесия. Первым, кто рассказал грекам о чудесах далекой Индии, был Скилак Кариандский (конец VI в. до н. э.), флотоводец Дария I. Те же баснословные народы, которые были упомянуты Скилаком, описываются и у Ктесия¹⁶. В этом сочинении Ктесий заимствовал также у Гекатея Милетского (около 500 г. до н. э.) и, может быть, у Гелланика¹⁷.

3. *Собственные наблюдения и местная традиция как источники Ктесия.* В некоторых случаях сведения Ктесия трудно считать литературными заимствованиями. Как утверждает Ктесий в «Истории Персии» и в «Описании Индии», он рассказывал то, чему сам был свидетелем, или о чем слышал от других очевидцев¹⁸. Безусловно, какая-то доля истины в этих утверждениях содержится.

Как свидетель рассказывает Ктесий о многих событиях царствования Артаксеркса II и о некоторых диковинках Индии (хотя сам он в Индии не был¹⁹).

В качестве своих информаторов Ктесий в «Истории Персии» называет персов: он передает то, что «лично слышал от самих персов» (*autekoos par'auton Person*)²⁰. Конечно, в первую очередь имеются в виду персы, составлявшие ближайшее окружение царя,— именно с ними у Ктесия должны были завязаться наиболее близкие отношения.

Как уже отмечалось, особенно близок Ктесий был к Парисатиде, матери Артаксеркса II, правившего при Ктесии. В сохранившихся фрагментах «Истории Персии» Ктесий однажды прямо ссылается на рассказ Парисатиды (о воцарении Дария II, мужа Парисатиды и отца Артаксеркса II): о повествуемых им событиях он «слышал от самой Парисатиды» (*par'outes Parysatidos akousai*)²¹. Но этим информация Парисатиды не ограничивалась. Следует думать, что рассказы персов, в основном Парисатиды, были главным источником Ктесия для времени, начиная с Артаксеркса I, предшественника Дария II (т. е. с XIV книги),— для этого времени Ктесий уже не имел литературных образцов («История» Геродота кончалась рассказом о царствовании Ксеркса I). Следы рассказов Парисатиды можно обнаружить в сочинении Ктесия под искусственной оболочкой литературной обработки (по Геродоту) и в книгах, повествующих о более ранних временах, в том числе и о восточных областях. В связи с этим следует отметить, что Парисатида еще при Артаксерксе I (465—424 гг. до н. э.) находилась некоторое время в одной из восточных сатрапий, в Гиркании²², так что восточные области Ахеменидской державы должны быть ей более или менее знакомы.

В «Описании Индии» Ктесий ссылается также на рассказы бактрийцев и индийцев: «бактрийцы рассказывают...» (*Baktrioi legousin*) «индийцы говорят...» (*Indoi phasin*)²³.

Бактрийцев Ктесий вполне мог встретить в персидских столицах. Там, очевидно, он видел того мелкого торговца (*karelos*) из бактрийцев, который показывал фокусы с камнем «пантарба»²⁴. Бактрийцев во время Ктесия можно было встретить и при дворе царя. Высокое положение, например, занимал при Артаксерксе II Артасир, «око царя», о котором неоднократно упоминает Ктесий²⁵. С ним обычно отождествляют²⁶ Артасира, «бактрийца родом» (*to genos Baktrios*), отца Оронта²⁷.

Видел Ктесий и индийцев, в том числе, как он сам говорит, «белых»²⁸, т. е. обитающих в областях к западу от Инда²⁹; очевидно, это были индийцы, прибывшие ко двору персидского царя³⁰.

В тексте фрагментов можно часто встретить и другие ссылки по разным поводам на то, что так «говорят» (*phasin*), причем из контекста явствует, что имеются в виду, скорее всего, местные жители. Например, однажды Ктесий ссылается на слова «местных жителей» (*enchogioi*) Сирии³¹.

В связи со ссылками на местных жителей встает вопрос об использовании Ктесием уже сложившейся местной исторической традиции о древних временах. Ожидать, что вся «История Персии» Ктесия или какие-либо крупные части этого сочинения целиком воспроизводят местную традицию, конечно, не приходится, и в этом отношении прав Ф. Якоби³². Но нельзя отрицать, что отдельные элементы такой традиции все же нашли отражение в сочинениях Ктесия. Обычно их можно более или менее отчетливо различать в виде вставок в повествование, которое в целом сконструировано Ктесием или по литературным образцам, или обязано просто его фантазии, причем сами вставки также носят следы искусственной обработки. В других случаях у Ктесия содержатся лишь намеки на местную традицию,— случайное упоминание по разным поводам двух-трех характерных имен.

В наибольшей степени у Ктесия отражена западноиранская традиция. Исследователи уже отмечали ряд эпизодов в сочинении Ктесия, которые можно возвести к мидийской³³ или персидской³⁴ традициям.

Особый интерес представляют следы восточноиранской традиции. Впервые, насколько нам известно, поставил вопрос о наличии восточноиранской традиции у Ктесия В. В. Бартольд. Он считал, что эпические мотивы у Ктесия по преимуществу восточноиранского происхождения, и усматривал бактрийские и сакские тенденции в рассказах Ктесия о войне Кира с бактрийцами и саками, о Таниоксарке, о восстании бактрийцев при Артаксерксе I, в романе о Заринее и Стриангее³⁵. Позже Кристенсен отмечал, что, хотя в основном Ктесий отражает западноиранскую (мидийско-персидскую) традицию³⁶, но появление у него имен «Спитам» и «Сфендадат» свидетельствует о знакомстве Западного Ирана того времени с восточноиранской традицией³⁷. Конечно, преувеличивать значение восточноиранской традиции у Ктесия нельзя³⁸, но большинство отмеченных выше эпизодов действительно в основе своей могут иметь восточноиранское происхождение.

Имеются у Ктесия следы и других, неиранских, традиций, например, вавилонской³⁹.

Следует отметить еще и специфический «метод» использования Ктесием собственных его наблюдений: то, что Ктесий знал о современной ему Персии, он переносил в древность. Этот прием обусловлен стремлением Ктесия выставить себя знатоком глубокой древности восточных народов. Он прибегал к нему, когда для его подробных и цветистых рассказов уже не хватало литературных источников или воспоминаний о том, что рассказывали персы и другие «варвары».

Влияние этого приема сказалось у Ктесия как на общей картине повествования, так и на деталях его. Двор древних царей Ктесий представляет по образцу двора Артаксеркса II: там также распоряжаются властные царицы — матери или жены царя, похожие на Парисадиту (например, выдуманная Ктесием Амитада), и имеют «наибольшую силу» несколько первых евнухов (с вымышленными именами). Вся Азиатская держава со времен первого царя-завоевателя Нина оставалась такой же, какой она была при Артаксерксе II, состояла из тех же сатрапий, с тем же устройством. Имена древних царей или сатрапов очень часто повторяли имена современных Ктесию сатрапов соответствующих областей. Описания той или иной страны, города, отдельного сооружения, вставленные в рассказы о деяниях древних царей, взяты из окружающей Ктесия действительности.

Таковы, в основном, тенденции и источники сочинений Ктесия. Следует заметить, что главное внимание мы здесь обращаем на источники сведений Ктесия о восточных областях, так как именно эти сведения особенно ценны для отечественной истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О новой стадии в развитии интереса греков к восточным народам в конце V в. до н. э. говорит Реверден (основываясь, в частности, на сочинениях Ктесия). См.: O. Reverdin. Crise spirituelle et évasion.— В кн.: Grecs et Barbares. Entretiens sur l'antiquité classique VIII. Genève, 1962, стр. 83—120.

² О честолюбии («необыкновенно честолюбив», *daimonios philotimos*) и лаконофильстве Ктесия очень выразительно говорит Плутарх (Artox., XIII, 7).

³ Ctes., t. II.

⁴ Ctes., fr. 5, с. 32, 4.

⁵ Ctes., fr. 1 b, с. 22, 5. Сомнения, высказанные в принадлежности Ктесию данного сообщения Диодора (см.: С. Jacoby. Ktesias und Diodor, eine Quellenuntersuchung von Diodor, II, 1—34. "Rheinisches Museum für Philologie", N. F., Bd. XXX, 1875, S. 605—607; J. Marquart. Die Assyriaka des Ktesias. "Philologus", Supplbd. VI, 1893, S. 549), были справедливо отвергнуты Крумбхольцем (P. Krumholz. Diodor's assyrische Geschichte. "Rheinisches Museum für Philologie", N. F., Bd. XLI, 1886, S. 334; Его же. Zu den Assyriaka des Ktesias. "Rheinisches Museum für Philologie", N. F., Bd. LII, 1897, S. 238—239).

⁶ Другое дело — вопрос о существовании вообще царских летописей в Персии при Ахеменидах. О таких летописях свидетельствуют многие античные авторы и «Книга Эсфири» (см.: FGH, III C, Bd. 1, № 696, fr. 3—10), и существование их вполне вероятно.

⁷ J. Marquart. Die Assyriaka des Ktesias, S. 629; G. Goossens. L'histoire d'Assyrie de Ctesias. "L'antiquité classique", t. IX, 1940, p. 27; F. Jacoby. Ktesias.

RE, Bd. XI, 1922, S. 2048, 2055. И. В. Дьяконов. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.—Л., 1956, стр. 24 и др.

⁸ Ctes., t. 17 (Порфирий у Euseb., Праер. Evang., X, 3, 23).

⁹ Ctes., t. 8; t. 13; fr. 16, § 62.

¹⁰ F. Jacoby. Ktesias., S. 2051.

¹¹ Даже список мидийских царей Ктесия является искусственным видоизменением того же списка Геродота (это установлено еще в начале XIX века, и с тех пор общепризнано, см.: И. М. Дьяконов. История Мидии., стр. 27).

¹² Ctes., t. 8.

¹³ Cephal., fr. 1.

¹⁴ Заимствованием у Гелланика может считаться не только Нин Ктесия, но в значительной мере и Семирамида, прообразом которой послужила Атосса Гелланика (fr. 7) (Marquart. Die Assyrica. S. 576, 630).

¹⁵ H. J. Rose. A handbook of Greek literature. L.—N.—Y., 1961, стр. 309.

¹⁶ E. d. Meyer. Geschichte des Altertums, B. III, Heft. I, Stuttgart, 1901, S. 100—101; W. Reese. Die griechischen Nachrichten über Indien bis zum Feldzuge Alexanders des Grossen; eine Sammlung der Berichte und ihre Untersuchung. Lpz., S. 89—92; F. Gisinger. Skylax 2. RE, R. 2, Hdb. V, 1927, S. 630. Возможно, что у Ктесия содержались прямые ссылки на Скилака, так же, как на Геродота и Гелланика. В переложении «Истории Индии», сделанном Фотием, ссылок на Скилака нет, но в более подробной, чем у Фотия, выдержке из Ктесия у Филострата (Vit Apoll., III, 45—48) имеется такая ссылка. Скорее всего, она содержалась уже в тексте Ктесия, а не была введена самим Филостратом.

¹⁷ Reese. Die griechischen..., S. 92.

¹⁸ Ctes., t. 8; fr. 45, § 51.

¹⁹ Reese. Die griechischen..., S. 84.

²⁰ Ctes., t. 8.

²¹ Ctes., fr. 15, § 51.

²² Ctes., fr. 15, § 47.

²³ Ctes., fr. 45 h.

²⁴ Ctes., fr. 45, § 6. См. комментарий к рассказу о «пантарбе» у Muellerus. Ctesiae Chidii... fragmenta (в диндорфовом издании Геродота. P., 1877), p. 87—88. В долине Кабула (которая считалась во времена Ктесия частью Бактрии) был обнаружен клад ахеменидского времени, в котором имеется много греческих монет V в. до н. э. См.: D. Schlumberger. L'argent Grec dans l'empire achéménide. "Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan", t. XIV, 1953 (между прочим, одна монета происходит из Книды, родины Ктесия. Там же, Pl. 1, 15).

²⁵ Ctes., fr. 15, § 52; fr. 20.

²⁶ Puchstein. Artasyras, RE, Bd. II, 1896, S. 1308; Olmstead. History of the Persian Empire. Chicago, 1960, p. 356—357, 399.

²⁷ FGH, III B, p. 483.

²⁸ Ctes., fr. 45. § 19.

²⁹ Ср.: Arr., Ind., 1, 2.

³⁰ Reese. Die griechischen..., S. 84.

³¹ Ctes., fr. 1 b, c. 4, 3.

³² F. Jacoby. Ktesias, S. 2049, 2055.

³³ A. von Gutschmid. Kleine Schriften, Bd. II. Lpz, 1890, S. 144; Th. Nöldeke. Das iranische Nationalepos.—В кн.: Grundriss der iranischen Philologie, Bd. II. Strassburg, 1896—1904, S. 132.

³⁴ Prasek. Geschichte der Meder und Perser bis zur makedonischen Eroberung, T. II. Gotha, 1910, S. 11 сл.; Goossens. L'histoire d'Assyrie..., стр. 27—28, 38; М. А. Дандамаев. Бехистунская надпись и античные авторы о Бардии — Гаумате.— «Краткие сообщения Института народов Азии», 1962, № 46, стр. 354—255; Его же. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963, стр. 123 сл.

³⁵ В. В. Бартольд. К истории персидского эпоса.— «Записки Восточного отделения русского Археологического общества», 1915, т. 22, стр. 258—259.

³⁶ A. Christensen. Les gestes des rois dans les traditions de l'Iran antique, P., 1936, p. 116 сл.

³⁷ Там же, стр. 136.

³⁸ Признаком того, что Ктесий передает лишь восточноиранскую традицию, не

западную. В. В. Бартольд считает неупоминание в «Истории Персии» похода Кира на Вавилон. Однако отсутствие упоминания об этом событии в переложении сочинения Ктесия у Фотия объясняется лишь сжатостью переложения. Судя по другим заимствованиям из Ктесия (Iuts., 1, 7, 3—4), последний говорил о завоевании Киrom Вавилона. Ср.: Muellerus. Ctesiae Chidii... p. 61.

³⁹ J. Gilmore. The sources of the assyrian history of Ktesias.—“The English Historical Review”, vol. II, 1887, p. 97—100.